

Своя нота

В подвальчике "Бродячей собаки", том самом на Итальянской улице, где читали свои стихи А.Ахматова, Н.Гумилев, танцевала Карсавина, уютный полумрак, столики. На небольшой сцене, на фоне седых, трепещущих театральных занавесей, на "фоне музыки и света" звучат песни Вертинского, взлетают и опускаются руки.

"Желтое танго" гостит в Северной столице второй сезон; сыгран и поставлен моноспектакль выпускником Щепкинского училища Сергеем Федотовым (снимался в фильме Н.Михалкова "Сибирский цирюльник", играл в театре Армена Джигаряна). В Москве "Желтое танго" идет на сцене Геликон-оперы, малой сцене театра имени Маяковского.

А начиналось все с приглашения выступить в Будапеште перед русской эмиграцией с концертом, составленным из песен Вертинского. Сценарий, — рассказывает Сергей, — был написан за два месяца, на одном дыхании.

Недавно у спектакля состоялся маленький юбилей, ему исполнилось три года.

Париж. Шанхай, образы пережитого. Эпизоды из жизни великого русского шансонье — маленькие сценки, разыгранные артистом легко и изящно. На наших глазах из "сора" слов и напевов мечты рождается жизнь — звучит ариетка Пьеро. Иногда грустная, иногда веселая, но всегда слегка ироничная и печальная, она трогает, заставляет радоваться и печалиться вместе с ней.

Сергей Федотов не пытается копировать манеру исполнения песен Вертинского, он иногда намекает на нее чуть-чуть грассирующим "р". В его исполнении есть "своя нота" — то, что Вертинский так ценил, то, что делало и делает провальными все попытки его "повторить" — искренность переживания, чувство уникальности каждого сценического мгновения.

Стул, столик с зажженной свечой, рубиновый свет вина в бокале, зеленая бутылка, вешалка, чемодан; все просто, лаконично. Декоративная выразительность — в игре света, в цветомузыке, сопровождающей каждый жест.

Спектакль камерный, и вместе с тем праздничный.

Над сценой кружат разноцветные лоскутки, выпорхнувшие из записной книжки артиста, они листки его воспоминаний, красочный калейдоскоп мгновений. За занавесом одинокая фигура, голос Вертинского, тени "волшебного фонаря". Музыка смолкает, артист выходит на сцену, снимает повторяющую знаменитый грим маску, отстегивает жабо — так начинается спектакль.

Жизнь артиста рассказана с документальностью выдумки.

Не возможность ли такого "рассказа" привлекала А.Вертинского в кинематографе, сделал его одним из первых русских актеров "великого немого"? Ведь что такое жизнь? — "Жизни как таковой нет. Жизнь надо выдумывать, создавать". И не надо "на нее обижаться и говорить, что она не удалась. Это вам не удалось у нее ничего выпросить. По бедности своего воображения".

Стилистика спектакля кинематографична, через некоторое время начинается различать среди других "шумов", как движется, чуть потрескивая, лента в кинопроекторе.

Черная, отделанная кружевами шляпка, — так и видишь грозную Марию Александровну Арцыбушеву, стремящуюся пристроить ботающегося без дела молодого Вертинского. А вот и он — робкий, застенчивый провинци-

ал, приехавший покорять Москву, с большими амбициями и без гроша в кармане.

Вагон генерала Слацова, три часа ночи. Вертинский поет о мальчишках, жестоко обреченных на смерть. Мы видим белое с мутновато-зелеными глазами, отравленное кокаином, страдающее лицо белого генерала. Мастерски владея искусством перевоплощения, артист умеет несколькими штрихами передать характер человека, атмосферу времени.

Жизнь — желтое танго — танец страсти и нежности, танец, покоривший всю тогдашнюю Европу, танец, окрашенный электрическими огнями ночных кафе и улиц, танец цвета встреч и разлук.

Интонация, которую уносишь с собой в современность, переступая порог зала, и есть чудо нежности, чудесной уже потому, что так глядеть на мир могут только влюбленные.

Спектакль как-то по-особенному (я смотрела его в Москве и могу сравнить) вписывается пейзаж Петербурга: в его арки и строгую красоту его дворцов, в темные туннели подворотен.

По свидетельству аккомпаниатора Вертинского, Брехеса, Александр Николаевич не терпел ни одной лишней, сыгранной для абстрактной красоты ноты. Музыка должна была подчеркивать интонацию человеческого голоса, дышать его теплотой и трагичностью.

В исполнении пианистки и соавтора спектакля Ирины Скосыревой есть особая душевность. Есть сентиментальная игра. Это легкое лукавство — улыбка, с которой Жизнь (кокетливая, прекрасная возлюбленная и мать) подыгрывает каждому из нас.

В финальном "кадре", прервав песню на полуслове, артист на какое-то мгновение застывает, его руки взмывают в узнаваемом жесте. Лента обрывается, как и положено в старых хрониках. Артист уходит. Над пустой сценой звучит голос Александра Вертинского.

Алла НАДЕЖДИНА

• Сергей Федотов в спектакле "Желтое танго"